

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

АНГЛИЦИЗМЫ НА -ИНГ В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

УДК 811.161.1:373.613:811.162.4:373.613. DOI 10.26170/FK20-01-05. ББК Ш141.12-32+Ш141.52-32.
ГРНТИ 16.21.45. Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Ермачкова О.

Университет им. свв. Кирилла и Мефодия
в Трнаве, Словацкая Республика
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-7898>

Olga Iermachkova

University of Ss. Cyril and Methodius
in Trnava Slovak Republic
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-7898>

ANGLICISMS ENDING IN -ING IN RUSSIAN AND SLOVAK LANGUAGES

Abstract. This article focuses on the functioning of Anglicisms ending in *-ing* in the Russian and Slovak languages, pseudo-Anglicisms, and the reasons for the active borrowing of such words at present, as well as the controversy between linguists, historians, and politicians about the role and place of borrowing in a historical context. This study aims to trace the dynamics of Anglicisms in the contemporary Russian and Slovak languages via the descriptive and comparative methods. The quantitative estimation method is also used in this work. The study examines the main points of view on the issues of borrowing in Russian and Slovak linguistics: positive, negative and neutral. The focus is on the formal marker *-ing* and its word-building potential, which still causes controversy among linguists. One of the aims of the study is to identify the most frequent lexical groups of words with the suffix *-ing*. As a result of the study, the author makes a conclusion that the Russian and the Slovak languages codify words with this formal marker in different ways. Some words, recorded in the Slovak dictionaries, are found in Russian on the periphery of the lexicon. The author believes that the invasion of Anglicisms ending in *-ing* is just a passing trend. Most of these words are easily replaced by the native language analogues. On the other hand, some anglicisms describe this or that notion/process more accurately, significantly saving space. Certain research interest is aroused by pseudo-Anglicisms illustrating authored poetic works with marked expressive evaluation. It can be assumed that the number of Anglicisms with the suffix *-ing* might increase every year, since they reflect the intensification of socio-economic processes in society.

Key words: word borrowing; Anglicisms; pseudo-Anglicisms; purisms; Russian language; Slovak language.

Аннотация. Данная статья посвящена функционированию англицизмов на *-инг* в русском и словацком языках, псевдоингвизмам, причинам активного заимствования слов с этим суффиксом в наше время, а также полемике лингвистов, историков, политиков о роли и месте заимствований в историческом разрезе. Цель исследования – проследить динамику англицизмов в современном русском и словацком языках методом описания и сопоставления. Наряду с вышеуказанными методами в работе также применяется метод количественного подсчета. В ходе исследования рассматриваются основные точки зрения на проблематику заимствования в русском и словацком языкознании: положительные, отрицательные и нейтральные. В центре внимания находится формант *-инг*, его словообразовательный потенци-

ал, который до сих пор вызывает споры среди лингвистов. Одной из подцелей работы является выявление наиболее частотных лексических групп слов с суффиксом *-инг*. В результате исследования получены выводы о том, что русский и словацкий языки по-разному кодифицируют слова с данным формантом. Некоторые слова, фиксируемые словацкими словарями, находятся в русском языке на периферии. На наш взгляд, нашествие англицизмов на *-инг* – это дань моде. Большинство таких слов легко заменяется языковыми аналогами родного языка. С другой стороны, некоторые англицизмы точнее описывают то или иное понятие/процесс, значительно экономя место. Интерес представляют псевдоингговые случаи, которые иллюстрируют авторские поэтические произведения с яркой экспрессивной оценкой. Можно предположить, что количество англицизмов с суффиксом *-инг* будет увеличиваться с каждым годом, так как они – отражение активизации социально-экономических процессов в обществе.

Ключевые слова: заимствование слов; англицизмы; псевдоанглицизмы; пуризм; русский язык; словацкий язык.

Благодарности: исследование выполнено в рамках научного проекта KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifik modelu «ruského sveta» v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

Acknowledgments: research is accomplished within scientific project KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifik modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

Для цитирования: Ермачкова, О. Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках / О. Ермачкова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 51–61. – DOI: 10.26170/FK20-01-05.

For citation: Iermachkova, O. (2020). Anglicisms Ending in *-ing* in Russian and Slovak Languages. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 51–61. DOI: 10.26170/FK20-01-05.

Введение. Неотъемлемой частью жизни общества являются социальные контакты, как внутренние, так и внешние. В результате общения, обмена информацией происходит заимствование идей, понятий, предметов, которое неизменно влечет за собой создание или заимствование их лексических обозначений. Одним из основных путей появления новых слов в языке, наряду со словообразованием, является заимствование. В. В. Колесов пишет, что «одно поколение может принять в свой лексикон около двух тысяч новых заимствований» [Колесов 1998: 180]. Заимствование иностранных слов – «один из неизбежных результатов исторического развития языка» [Костомаров 1999: 110].

Процессы, происходящие в современном мире, ведут к глобализации в разных сферах – от экономики и политики вплоть до лингвистики. Следовательно, на примере заимствований можно проследить тенденции развития того или иного языка, а также проанализировать положительные и отрицательные стороны такого влияния.

Англицизмы активно становились объектом исследований в работах многих лингвистов, социологов, переводчиков [Крысин

1968, 1996, 1997, 2000, 2002; Брейтер 1997; Дьяков 2012, 2015; Маринова 2014; Влахов, Флорин 1980; Dolník 1991, 1999; Horecký 1991, 1999; Kačala 1991; Masár 1994; Považaj 1995] и др.

Отношение к заимствованию. В данной работе под заимствованием мы имеем в виду, в первую очередь, англицизм. Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова «англицизм – слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [Ожегов 1983: 26]. Словацкий «Общий энциклопедический словарь» определяет англицизм как «jazykový jav ovplyvnený angličtinou alebo prevzatý z angličtiny» [Paulička a kol. 2002: 150]. В масштабах данной статьи мы будем считать англицизмом лишь слово, пришедшее из английского языка, а формы, образованные по образцу, – псевдоанглицизмами.

Активное изучение заимствования в языкознании началось на рубеже XIX–XX веков. В русской лингвистической традиции наиболее системно вопросы заимствования первым осветил Л. П. Крысин, а в словацкой – Ю. Долник и Я. Хорецки.

Вопрос заимствования является одним из «вечных дилемм» любого языка. Как извест-

но, в рассмотрении данного вопроса встречаются совершенно противоположные точки зрения: принятие заимствования, признание их необходимости и, напротив, отрицание этого процесса, трактуемого как угроза самобытности русского языка, «ohrozenie suverenity slovenčiny, ako jej ponížovanie» [Masár 1994: 142].

Наряду с многочисленными плюсами процесса заимствования (пополнение словарного запаса, название новых понятий и явлений, экономизация и т. д.) существует противоположный взгляд на данную проблематику. Многие ученые полагают, что заимствования «засоряют», ограничивают, упрощают язык. Как следствие, это приводит к утрате самобытности, культурных аспектов и т. п. Л. П. Крысин считает, что в русской лингвистике остро стоит «проблема засилья англицизмами», Я. Качала говорит о «explózii anglicizmov» [Качала 1993: 325–326].

Далее рассмотрим данную проблему в исторической ретроспективе и попробуем найти истоки пуризма в русской и словацкой лингвистике.

Во все времена язык интенсивно пополнялся заимствованиями, так как люди практически никогда не жили в полной изоляции. В ходе многочисленных исторических событий языки влияли друг на друга, смешивались, ассимилировались. Лексический запас – это самая непостоянная составляющая языка, которая расширяется и видоизменяется.

По мнению многих ученых, расцветом заимствования в русском языке стал XVIII век – время, когда заимствования выступали в качестве стилистического украшения и знакомой русской ориентации. Вместе с тем, именно в этот период, появляются первые пуристические замечания в адрес иноязычной лексики. В «Предисловии к переводу Иустиновой истории» А. Кантемир (1738–1744) пишет, что старался переводить «не употребляя чужестранных речей, которые по крайней возможности искал миновать» [Веселитский 1974: 39–42, цит. по Живов 1996]. По мнению В. Н. Татищева (1737), употребление заимствованной лексики характерно для низших слоев общества [Татищев 1990: 224, цит. по Живов 1996]. Его современник А. П. Сумароков также писал в своих критических статьях о «порче»

языка иностранными словами и предлагал употреблять вместо них отечественные «аналоги», при этом признавая необходимость греческих заимствований. Такую позицию можно считать умеренным пуризмом.

В отличие от А. П. Сумарокова, А. С. Шишков высказывал крайние пуристические взгляды и предлагал «очистить» русский язык от «неславянских» слов, создавая новые (напр.: *галоши* – мокроступы).

Предложениям А. С. Шишкова противостояли представители карамзинской школы во главе с А. С. Пушкиным, которые считали заимствования уместными и ассоциировали их с прогрессом.

Пуристическим идеям способствовали те или иные политические события. С началом Первой мировой войны было принято отказаться от немецких слов (напр.: *Петербург* – *Петроград*).

В советский период сформировался идеологический пуризм как следствие враждебного отношения к Западу. В годы сталинского режима, а также в годы «холодной войны» не только был приостановлен сам процесс заимствования, но и в обязательном порядке вводились замены некоторых иноязычных слов [Маринова 2014: 63].

Снятие идеологических ограничений в постсоветское время, компьютеризация, интернетизация, развивающийся туризм и торговля усилили поток иностранной лексики, на что общественность отреагировала крайне негативно, называя заимствования *вторжением, нашествием*. Е. П. Чельшев заявлял: «Одно дело – экономически оправданные, естественные заимствования <...> и совсем другое – агрессивная, тотальная „американизация“» [АиФ от 05.10.2002].

Язык – саморегулирующийся организм, ведь как справедливо заметил В. Г. Белинский: «Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление» [Белинский 1955: 61].

В словацком языке у истоков пуризма стояли словацкий ученый Матей Бел и Людовит Штур – общественный деятель, писатель, который выступал за чистоту родного языка, используя исключительно словацкую лексику.

В конце XX века в словацкой лингвистической среде сформировалось достаточно

отрицательное отношение к англицизмам. Старшее поколение словацких лингвистов (Dolník, Horecký, Považaj) видит в засилье англицизмов угрозу суверенитету словацкого языка, причину проблемы языковой культуры. Ю. Долник считает, что надо «prebera' len funkčné, potrebné prvky»¹ [Dolník 2002: 2] и что «mnohí Slováci siahajú aj po nefunkčných anglických výrazoch čiže takých, ktoré sa dajú po'ahky nahradiť domácimi výrazmi»² [Dolník 2002: 8]. Такого же мнения придерживается М. Поважай: «...prebera' je vhodné iba také prostriedky, ktoré naozaj nevyhnutne potrebujeme...»³ [Považaj 1995: 196–197].

Иную точку зрения отстаивает молодое поколение словацких лингвистов, поддерживающих необходимость иностранных слов. Я. Цихова говорит о том, что «niektoré (najmä odborné) pojmy nachádzajú svoj slovenský ekvivalent len t'ažko a ich používanie nie je celkom bezproblémové»⁴ [Cihová 2010], П. Есенска, исследовав словарный состав словацкого языка, приходит к выводу о том, что «anglicizmov je v súčasnej slovenčine veľmi málo»⁵ [Jesenská 2004].

Из всего вышеприведенного следует, что мнения лингвистов как в русской, так и словацкой лингвистике схожи. Решение проблемы избыточного употребления заимствований филологи советуют «искать не столько в запретительных мерах, сколько в целенаправленном языковом воспитании общества» [Нещименко 2003: 29].

На наш взгляд, об угрозе языку со стороны заимствований следует говорить лишь в тех случаях, когда иностранные слова используются некорректно, а также в случаях с речевым невежеством или неуместным употреблением иноязычных слов ради балагурства.

Причины заимствования. Распространение заимствований – явление закономерное

и объяснимое. Заимствования появляются прежде всего «в слабо разработанных семантических зонах, отдельные объекты и характеристики которых еще не вербализованы в том или ином языке, и могут служить своего рода маркерами лакун» [Богданова 2008: 11]. Появление новой терминологии стало толчком к заимствованию слов в связи с распространением информационных технологий. Следующими, весьма весомыми, причинами являются социально-психологические причины – мода и престиж. Экспрессивность новизны – «одна из стойких причин заимствования англицизмов как более престижных, значительных, выразительных» [Розен 1991: 152].

К причинам популярности англицизмов в русском языке можно отнести бесспорное мировое лидерство англоязычных стран во многих отраслях нашей жизни. Нередко желание разграничить оттенки значения или содержательно близкие слова приводит к появлению новых слов (напр.: англ. *эйчар* и рус. *кадровик*).

Согласно Л. П. Крысину, наиболее актуальными причинами заимствований являются следующие: необходимость наименования новой реалии, предмета, понятия (*публицити, бренд*); необходимость обозначения явлений, которые и ранее присутствовали в жизни общества, но не имели соответствующей номинации (*мафия, ракет*); экономия речи (*рейтинг* – положение фирмы, передачи и т. п.); необходимость акцентуации частичного изменения социальной роли реалии в изменяющемся социуме (*офис* – контора, служебное помещение).

Все рассмотренные выше причины заимствования можно разделить на *лингвистические* и *экстралингвистические*.

Формант *-инг* в современном русском и словацком языках. В наше время многие сферы жизнедеятельности наполнены значительной по объему группой существительных на *-инг*, заимствованных из английского языка. Особенно интенсивно это представлено в СМИ (напр.: *Системы спутникового мониторинга* [КП 31.8.16], *Боулинг для экскаватора* [КП 17.8.18], *Митинг против засилья мигрантов* [КП 1.9.18], *Пассажиры будут получать компенсации за овербукинг* [РГ 24.08.18], *Adrenalinový*

¹ Заимствовать надо лишь необходимые элементы (Авт. перевод).

² Многие словаки прибегают и к нефункциональным английским словам, которые легко заменяются выражениями своего собственного языка (Авт. перевод).

³ Заимствовать стоит лишь те средства, которые нам обязательно/определенно нужны (Авт. перевод).

⁴ Некоторые понятия (особенно научные) сложно заменяются словацким эквивалентом и их использование не является вполне беспроблемным (Авт. перевод).

⁵ Англицизмов в современном словацком языке очень мало (Авт. перевод).

zážitok ako bungee jumping [SME 4.8.18], *Gigantická naivita aj skvelý koučing?* [SME 3.7.18], а также в сфере рекламы косметических средств: *лифтинг-крем, стайлинг-мусс, стайлинг-гель, имиджмейкинг* и т. п.

Формант *-инг* не является новым для славянских языков. Слова с этим аффиксом входили в эти языки и раньше, но никогда до этого не приобретали такого масштабного характера. В конце прошлого века сформировалась мода на этот суффикс, которая продолжается по сей день. Первым периодом заимствования слов на *-инг* ученые (Л. П. Крысин, В. М. Аристова и др.) считают XVI век – время сближения России с Англией. В этот период были заимствованы названия денежных единиц (напр.: *стерлинг, шиллинг, фартинг*). Вторым этапом заимствования слов на *-инг* стала Петровская эпоха. Третий период (конец XVIII – начало и середина XIX в.) связан с повышением международного престижа Англии. В XX – начале XXI века благодаря СМИ и Интернету пополнился пласт технической, промышленной лексики.

В языке-источнике слова на *-инг* являются производными от глагольных основ (*to dance – dancing*) и их количество в словарях превышает 1500 единиц. Английские слова на *-инг* – это отглагольные существительные, действительные причастия или герундий.

Суффикс *-инг* как показатель иноязычности был отмечен еще академиком В. В. Виноградовым в 1972 году: «...гораздо менее многочисленна и разнообразна серия суффиксов твердого мужского склонения, обозначающих предметы. Некоторые из этих суффиксов однородны с суффиксами лиц <...> они выделяются в заимствованных словах: *-ат, -ант, -ент, -мент, -инг...*» [Виноградов 1972]. Отмечая среди этих суффиксов и суффикс *-инг*, лингвист пишет, что существительные на *-инг* входят в русский язык «с разнообразными предметными значениями (орудий действия, места действия, продуктов): *блуминг, крекинг, демпинг, митинг, дансинг* и т. д.» [Виноградов 1972].

Словацкий лингвист Ю. Долник в статье «*Anglické slová na -ing*» (1991) пишет, что слова на *-инг* не являются новым явлением в языке, что такие слова, как *tréning, skauting, boting, dancing* заимствованы в межвоенный период

и что появление таких слов в общественной и экономической ситуации естественно нарастает [Dolník 1991: 324].

В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой (2005) этот структурный элемент трактуется как нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом.

Относительно словообразовательных возможностей данного суффикса в русском языке бытует несколько расхожих точек зрения. Так, С. Ю. Аддиванкин и О. П. Сологуб считают, что на русской почве *-инг* еще не сформировался как полноценный суффикс, «так как слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры; в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образовано данное слово, что является необходимым условием становления структурного элемента как самостоятельной морфемы» [Сологуб 2002: 130–134].

В работах последних лет находим иную точку зрения. Так, А. И. Дьяков утверждает, что «английский суффикс *-ing* в начале XXI века благодаря СМИ и Интернету активизировал свою словообразовательную активность», потенциально превратившись в «русскую» морфему. Этот суффикс, актуализирующий наблюдаемую процессность, по сравнению с языком-источником, расширяет свое словообразовательное поле: в качестве производящих выступают и собственные имена (*Сталинг*), и конкретные существительные (*сарделинги*), и словосочетания (*метробабка-дуринг*) [Дьяков 2015: 241].

Такие случаи, как *сарделинг, Сталинг* мы считаем целесообразным относить в разряд псевдоинговых слов и рассматривать на уровне окказионального словообразования, так как они создаются с целью обеспечить большую экспрессию в конкретно взятом контексте и не остаются в языке.

Бесспорным является факт активизации у слов с аффиксом *-инг* некоторых словообразовательных характеристик. О. П. Сологуб считает возможным выделять в слове *тренинг* суффикс *-инг*, так как слово воспринимается как производное от глагола *тренировать(ся)*

и включается в ряд однокоренных слов *тренер, тренироваться, тренировка, тренаж*.

В конце XX века В. Г. Костомаров отмечал, что англицизмы на *-инг*, как правило, пополняют группу *singularia tantum*. В наше время все чаще фиксируются примеры множественного числа (*кастинги, митинги* и т. д.), формы прилагательных (*боулинговый, демпинговый, рейтингový кемпинговый*) и т. д. Глагольный суффикс *-ова(ть)* также нередко участвует в деривации от англицизмов на *-инг*: *дайвинговать, шейпинговать* и т. д.

С точки зрения освоенности лишь некоторая часть слов на *-инг* полностью ассимилировалась в исследуемых языках графически, грамматически, словообразовательно, семантически (напр.: *маркетинг, мерчендайзинг, консалтинг...*). Большая же половина инговых слов находится в пограничном состоянии. Такие слова адаптировались к нормам языка, но все еще не кодифицированы (*хэджантинг, дауншифтинг, моббинг, караванинг, ребрэндинг, овербукинг, шугейзинг, тимбилдинг, нетворкинг, троллинг, блоггинг, копирайтинг, мейлинг, клининг, койсінг* и др.).

Если в русском языке слова на *-инг*, как правило, ассимилируясь, образуют единую форму, то в словацком возможна некоторая вариантность (*leasing/lizing – prenájom; miting/meeting – stretnutie, schôdzka; peeling/piling – odstraňovanie kúskov odumretej pokožky; styling/stájling – slohová úprava, prepracovanie textu; skipping/skipping*).

Еще на одну особенность слов на *-инг* указывает Ю. Долник. Он считает, что некоторые английские слова образуются от двух слов. Вследствие универбации подавляется субстантивный член и остается только член с суффиксом *-инг*, который обозначает целое понятие. Например, *dancing room – dancing, fitting pieces – fitting/фиттинг, parking lot – parking/паркинг, providing safe deposit boxes – safing/сейфинг*. Особый случай представляет слово *смокинг* – костюм (англ. *smoking jacket*), *smoking* – курение. Форма такого слова «настоящая», а значение стало «поддельным».

Относительно кодифицированности стоит заметить, что слова с суффиксом *-инг* зафиксированы в различных словарях. В «Большом словаре иностранных слов. 35 000 слов» под редакцией А. Н. Булыко (2007) находится

138 слов на *-инг*. Правда, некоторые из них не являются английскими по происхождению (нем. *рислинг*, сканд. *викинг*, дат. *фолькетинг*, нор. *стортинг*, шв. *лагтинг*, нидер. *элинг*, нор. *лемминг*), образованы на основе фамилий *боинг* – самолет (англ. *William Edward Boeing*), *квислинг* – предатель (нор. *Vidkun Quisling*).

В «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой (2014) из 100 000 единиц лишь 98 слов на *-инг*.

В словацком «Словаре иностранных слов» М. Ивановой-Шалинговой – З. Маниковой (1983), включающем 60 000 единиц, около 80 слов на *-инг*. В словаре Г. Бруккера – Я. Опатиковой (2006) из 30 000 около 120 слов.

Многие слова, внесенные в словари, являются малоиспользуемыми (напр.: *баггинг*), выходят из употребления в связи с техническим прогрессом (напр.: *пейджинг*) или исчезают полностью (напр.: исчезло *boxing*, а осталось *box/бокс*). Стремительно появляются новые слова, особенно в сфере спорта, экономики, культуры, которые еще не внесены в словари (напр.: *ривербакинг* – разновидность сплавов по рекам). Фиксатором таких слов зачастую выступают СМИ и Интернет.

С точки зрения семантики англицизмы на *-инг*, закрепленные в словарях, можно разделить на лексико-тематические группы:

1. Спорт, активный отдых, игры (27): *айсинг, боулинг, допинг, ринг, реслинг, бодибилдинг, кикбоксинг, шейпинг, трекинг, армреслинг, спарринг, футтинг, керлинг, кроссинг, тренинг, картинг, дайвинг, серфинг, виндсерфинг, рафтинг, кемпинг, брейн-ринг, дриблинг, прессинг, спиннинг, джоггинг, пауэрлифтинг*. Примечателен тот факт, что словацкие словари фиксируют уже такие новые виды спорта как *akvaplaning, biking, bungee jumping, jachting, paragliding, skating, skijoring, freediving, skipping/skipping, trekking*. В русском языке новые направления в спорте отмечают СМИ, напр.: *Банджи-джампинг* – популярный мировой аттракцион... [АиФ 4.7.18]. Новые виды спорта (напр.: *драйтуринг, зорбинг, кайтбаггинг, роллерскейтинг, рэппелинг, скайсерфинг* и др.) возникают с такой скоростью, что словари, возможно, не успевают вносить такой пласт новой лексики. Эта группа является самой многочисленной, так как для наименования спортивных игр необходимы языковые средства, обозначающие процессуальность.

Аффикс *-инг* способен выполнить данную задачу.

2. Наука, техника, промышленность (18): *блуминг, кросинг, тюбинг, крекинг, слябинг, бельтинг, брайнинг, дампинг, инжиниринг, фитинг, фединг, заппинг, тюнинг, мусинг, салинг, шепинг, антифидинг, сайдинг*. Подгруппой выступает Интернет и связь (6) (*банкинг, интернет-пейджинг, интернет-серфинг, роуминг, пейджинг, баггинг*).

Отметим, что словацкие словари включают многие инговые слова с префиксом *теле-*, напр.: *telemarketing, telerecording, teleshopping*.

3. Экономика, финансы, торговля (18): *демпинг, клиринг, маркетинг, консалтинг, лизинг, мерчандайзинг, трейдинг, банкинг, холдинг, факторинг, аутсорсинг, дилинг, реинжиниринг, франчайзинг, фиксинг, листинг, рентинг, канцелинг*. Подгруппами являются: Персонал (2) (*рекрутинг, хедхантинг*); Реклама (3) (*андеррайтинг, копирайтинг, мониторинг*).

4. Общественные явления (4): *киднеттинг, хайджекинг, дауншифтинг, шокинг*. Подгруппа Политика (5) (*митинг, рейтинг, антирейтинг, брифинг, имиджмейкинг*). В словаре Г. Бруккера и Я. Опатиковой зафиксировано слово *racketeering – vydieračstvo, vymáhanie platenej ochrany*. В русском языке это слово не является инговым (ср.: *рэкет*). В словацком являются кодифицированными такие «сверхмодные» слова нашего времени, как *baby-sitting, coming-out, brainstorming, brainwashing, branding*.

5. Медицина, биология (3): *скрининг, петтинг, хоминг*. Подгруппа Разведение и уход за животными (5) (*тримминг, аутбридинг, ауткроссинг, кроссбридинг, инбридинг*).

6. Бытовая лексика (7): *паркинг, дансинг, селинг, анбоксинг, шопинг, смокинг, пудинг*. В отличие от русского языка, словацкие словари кодифицируют подгруппу Питание (напр.: *catering – objekty na zásobenie lietadiel jedlami; dresing/dressing – zálievka, prísada do šalátov, omáčka; toasting – opekanie; carving – krájanie, rezanie*).

7. Красота, здоровье (5): *бодипирсинг, лифтинг, пирсинг, кастинг, аутотренинг*. В словацком языке внесены в словарь такие слова, как *styling, modeling, facelifting, fling, peeling/piling*. Данная группа включает большое количество инговых слов, которые знакомы носителям языка, особенно женщинам, но ввиду своей

специфики не включены в словари и в скором времени не будут, например, косметические процедуры: *брашинг, шейвинг, шугаринг, ваксинг, фейсинг, фэйсбилдинг* и др.

8. Искусство (4): *хендлинг, хеппенинг, бодипейтинг, свинг*.

Довольно часто в случаях со словами на *-инг* наблюдается расширение семантической структуры слова. Оно происходит обычно в направлении обобщения смысла заимствованного слова, отнесения его к более широкому кругу объектов действительности [Брейтер 1997: 80]. Отметим, что расширение исконного значения англицизма в русском языке – это частое явление в сленговом лексиконе, о чем свидетельствуют следующие примеры: *допинг* – доплата к стипендии на питание [Никитина 2003: 147]; *митинг* – встреча, свидание [Никитина 2003: 345]; *пейджинг* – вечеринка со спиртным [Никитина 2003: 433]; *факинг* – презр. что-л. отвратительное, скверное [Никитина 2003: 620]; *хакинг* – чаще мн. хакинги – высокие массивные ботинки со шнуровкой [Никитина 2003: 646].

Псевдоинговые случаи. В русском языке XXI века стало появляться много *псевдоинговых* слов. Авторы сатирических и юмористических текстов видят в данном суффиксе мощное экспрессивное средство.

Виктор Григорьев в докладе «О светлом будущем „инговых форм“ в поэтическом языке» говорит, что «едва ли не парадоксально, что сложные стили поэзии равнодушны к экспериментам с „инговыми формами“ – здесь в лидеры, в отличие от ситуации начала XX века, выходит беллетристика, которая уверенно вводит в речь персонажей опыты типа *виннинг, позоринг, писинг* (Елистратов), *водопадинг* (Ануфриков), *meeting – eating – чай питинг* (Толстой)» [Григорьев 2005].

В конце доклада В. Григорьев приводит целый ряд своих «проб на инговые формы»: *ам-Путинг, АнтиЖириг, аршининг, базаринг, балаболинг, балдеинг, басманинг, беспутинг, блининг, брединг, буминг, воринг, всхлипинг, гадинг, глуминг, головозадинг, дреминг, дрёминг, дремлиг, думинг, засекретинг, засекречинг, излишинг, изыскинг, имитинг, иронинг, Ленинг, логопоэинг, любинг, любоначалинг, многоглаголинг, намеринг, обеспечинг, оболванинг, оболживинг, обрыдлиг, обвегоринг, отпадинг, подсыпинг, поливинг, приколиг,*

пудринг, путчинг, раздербанинг, раздолба (й) инг, распутинг, скептинг, смех-и-горетворинг, спросонинг, Сталинг, толпотворинг, стрессинг, тащинг, умапалатинг, чистописинг, шоуинг, штопинг, ЭлДэПэЭринг, элитинг [Григорьев 2005].

Интересен и тот факт, что инговые формы все чаще образуются от имен собственных, подтверждение чему находим у В. О. Пелевина в романе «Бэтмен Аполло»:

– Балаклавинг? – Путинг, ответил один из омоновцев. Офицер с сомнением смерил меня глазами.

Инговое словотворчество наблюдаем в поэтических произведениях. Так, стихотворение «Стихи на „инг“» Сергея Бирюкова полностью построено на псевдоинговых словах в шутовой, иронической форме. Таким своеобразным способом автор определяет место данного суффикса в наше время, намекая на его чрезмерное засилье в современном языке.

Стихи на «Инг»

*я слово полюбил маркетинг
оно зеркалинг нашеверминг
в нем чувствинг умнинг
всей эпохинг
где нужен пилинг
как гуд ивнинг
где пьется пивинг
льется вининг
где холдинг или бодибилдинг
необходиминг
словно свининг
а может дажинг
словно спаринг
продолжимг
(форминг «имг» реалинг)
в чем раздражилинг –
раздолбаинг
приколинг
бомбинг
церетелинг
конечно можнинг
и чайпитинг
и денинг-ночинг
перепутинг
но что за этимг?
полный скептинг?
вопросинг полнинг
диалектинг –*

кто виноватинг...

*все предыдущее отбросимг
оставим лишь одно –
любовинг
ливнинг*

Выводы. В современном мире нет ни одной сферы жизнедеятельности, которую бы не затронуло «наводнение» англицизмов. Англицизмы с суффиксом *-инг* – отражение активизации социально-экономических процессов в обществе. Эти спортивные, экономические, научные, компьютерные, бытовые термины стали неотделимы от национальных языков. Их «импорт» продолжается и увеличивается с каждым годом. Можно предположить, что слова на *-инг* будут пополнять языки все больше и больше, учитывая «языковой вкус эпохи» и господство английского языка в мире.

Источником инговых слов в данном исследовании стали русские и словацкие словари иностранных слов, вышедшие в разное время, художественные и медийные тексты. В общей сложности было проанализировано более 500 единиц.

Принимая во внимание субъективность процесса включения слов в словари, нельзя начертить четкую и реальную картину слов с инговыми элементами. Словари фиксируют лишь определенный процент слов, и не всегда самых частотных.

Многочисленные псевдоинговые случаи в русском языке (в словацком не были выявлены) свидетельствуют об огромном интересе к этому суффиксу как к мощному экспрессивному средству.

Большинство слов на *-инг* легко заменить единицами родного языка (*лифтинг* – подтяжка, *кастинг* – отбор, *yachting* – *jachtárstvo*, *seiling* – *plachtenie* и т. д.), однако языковая мода диктует свои правила.

На наш взгляд, нашествие англицизмов с *-инг* – это дань моде. Такие слова воспринимаются как более престижные, привлекают внимание своим «иностранном» звучанием. Они обеспечивают экономию речи, большую конкретику, так как чаще всего обозначают действие. Инговые слова – определенный тренд, ставший неотъемлемой частью Интернета, рекламы и СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристова, В. М. К истории англо-русских литературных связей и заимствований / В. М. Аристова // Семантические единицы в категории русского языка в диахронии. – Калининград, 1997. – С. 12–19.
- Аристова, В. М. Морфологическая структура английских слов в русском языке / В. М. Аристова // Англо-русские языковые контакты. – Ленинград: ЛГУ, 1978. – С. 44–47.
- Белинский, В. Г. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – Москва, 1955. – Т. IX. – С. 60–62.
- Бирюков, С. Е. POESIS ПОЭЗИС POESIS. Книга стихотворений / С. Е. Бирюков. – URL: http://russgulliver.narod.ru/Birukov_1.pdf. – Текст: электронный.
- Богданова, Л. И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект / Л. И. Богданова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 4. – С. 11–17.
- Брейтер, М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. – Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 155 с.
- Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 000 слов / А. Н. Булыко. – Мартин, 2007. – 704 с.
- Григорьев, В. П. Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке / В. П. Григорьев. – URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html>. – Текст: электронный.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Москва: Олма-Пресс, 2001. – Т. 1.
- Дьяков, А. И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование / А. И. Дьяков. – Омск, 2015. – 445 с.
- Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка, 100 000 слов и выражений / Т. В. Егорова. – Москва: Аделант, 2014. – 800 с.
- Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: АСТ; Астрель, 2005.
- Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
- Ильенко, С. Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии / С. Г. Ильенко // Аспекты речевой конфликтологии / под ред. С. Г. Ильенко. – Санкт-Петербург, 1996.
- Колесов, В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург, 1998. – 218 с.
- Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 320 с.
- Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва: Наука, 1968. – 208 с.
- Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – Москва, 1996.
- Крысин, Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – 2000. – № 5. – С. 63–91.
- Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
- Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва: Эксмо, 2006.
- Маринова, Е. В. «Вечный вопрос» о заимствованиях / Е. В. Маринова // Культура речи. – 2014. – № 2. – С. 59–65.
- Нещименко, Г. П. Заимствования и их роль в этнической коммуникации: проблемы, споры / Г. П. Нещименко // Jazykovedný časopis. – Bratislava, 2003. – № 1–2. – С. 13–30.
- Никитина, Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым / Т. Г. Никитина. – Москва: Астрель; АСТ, 2003. – 736 с.
- Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва, 1983. – 816 с.
- Пелевин, В. О. Бэтман Аполло / В. О. Пелевин. – Москва: Эксмо, 2013. – 512 с.
- Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – Москва, 1991. – 189 с.
- Сологуб, О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О. П. Сологуб // Наука. Университет: материалы Третьей научной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 130–134.
- Brukker, G. Velký slovník cudzích slov / G. Brukker, J. Opatíková. – Bratislava : Vydavateľstvo Robinson, 2006.
- Cihová, J. Termíny v environmentalistike (Anglicizmy v environmentálnych textoch EÚ) / J. Cihová // Kultúra slova. – 2010. – Roč. 44, č. 2. – S. 65–78.
- Dolník, J. Preberanie výrazov a kultivovanie spisovného jazyka / J. Dolník // Zborník Internacionalizácia v súčasných slovenských jazykoch – za a proti. – Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1999.
- Dolník, J. Ohrozujú anglicizmy slovenčinu? / J. Dolník // Studia Academica Slovaca. – Bratislava, 2002.
- Dolník, J. Spisovná slovenčina a jej používatelia / J. Dolník. – Bratislava : Stimul, 2000.
- Horecký, J. Anglické slová na *-ing* v slovenčine / J. Horecký // Kultúra slova. – 1991.
- Horecký, J. Internacionalizácia a europeizácia slovenčiny / J. Horecký // Zborník Internacionalizácia v súčasných slovenských jazykoch – za a proti. – Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1999.
- Ivanová-Šaligová, M. Slovník cudzích slov / M. Ivanová-Šaligová, Z. Maníková. – Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983.

- Jesenská, P. Slovenčina pod „paľbou“ anglicizmov? / P. Jesenská // Zborník mladých filológov UMB. Materiály z 3. konferencie mladých filológov UMB. – Banská Bystrica : Pedagogická fakulta UMB, 2004. – S. 8-15.
- Kačala, J. Vymedzenie pojmu jazyková suverenita / J. Kačala // Kultúra slova. – 1991. – № 25. – S. 3-9.
- Masár, I. Aj slovenčina potrebuje zákonnú ochranu / I. Masár // Kultúra slova. – 1994. – № 28. – S. 138-144.
- Považaj, M. Zo súčasnej problematiky jazykovej kultúry / M. Považaj // Kultúra slova. – 1995. – № 29. – S. 192-197.
- Považaj, M. Súčasný stav jazykovej kultúry / M. Považaj // Kultúra slova. – 1994. – № 28, č. 5. – S. 257-262. – URL: <http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/1994/5/ks1994-5.html>. – Текст : электронный.
- Paulička I a kol. Všeobecný encyklopedický slovník A – F. – Praha : Ottovo nakladatelství, 2002. – 1039 s.

Печатные издания в электронном виде

Аргументы и Факты. – URL: <http://www.aif.ru>.

Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru>.

SME. – URL: <https://www.sme.sk>.

REFERENCES

- Aristova, V. M. (1978). Morfologicheskaya struktura angliiskikh slov v russkom yazyke [Morphological Structure of English Words in Russian]. In *Anglo-russkie yazykovye kontakty*. Leningrad, LGU, pp. 44–47.
- Aristova, V. M. (1997). K istorii anglo-russkikh literaturnykh svyazei i zaимstvovaniy [To the History of English and Russian Literary Relations and Borrowings]. In *Semanticheskie edinit'sy v kategorii russkogo yazyka v diakhronii*. Kaliningrad, pp. 12–19.
- Belinskii, V. G. (1955). Karmannyy slovar'inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka, izdavaemyy N. Kirillovym [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language, Published by N. Kirillov]. In *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow. Vol. IX, pp. 60–62.
- Biryukov, S. E. POESIS POEZIS POESIS. Kniga stikhotvorenii [POESIS POETRY POESIS. Book of Poems]. URL: http://russgulliver.narod.ru/Birukov_1.pdf.
- Bogdanova, L. I. (2008). Inoyazychnoe slovo v kontekste russkoi kul'tury: kognitivnyy aspekt [A Foreign Language Word in the Context of Russian Culture: a Cognitive Aspect]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 4, pp. 11–17.
- Breiter, M. A. (1997). *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov* [Anglicisms in Russian: History and Prospects: a Guide for Foreign Russian Students]. Vladivostok, Dialog-MGU. – 155 p.
- Brukker, G., Opatíková, J. (2006). *Velký slovník cizích slov*. Bratislava, Vydavateľstvo Robinson.
- Bulyko, A. N. (2007). *Bol'shoi slovar'inostrannykh slov. 35 000 slov* [A Large Dictionary of Foreign Words. 35,000 Words]. Martin. 704 p.
- Cihová, J. (2010). Termíny v environmentalistike (Anglicizmy v environmentálnych textoch EÚ). In *Kultúra slova*. Roč. 44, č. 2, s. 65–78.
- Dal', V. I. (2001). *Tolkovyy slovar'zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Moscow, Olma-Press. Vol. 1.
- Dolník, J. (1999). Preberanie výrazov a kultivovanie spisovného jazyka. In *Zborník Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch – za a proti*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Dolník, J. (2000). *Spisovná slovenčina a jej používatelia*. Bratislava, Stimul.
- Dolník, J. (2002). Ohrozujú anglicizmy slovenčinu? In *Studia Academica Slovaca*. Bratislava.
- D'yakov, A. I. (2015). *Statika i dinamika anglitsizmov v sisteme russkogo yazyka: mnogoaspektnoe lingvisticheskoe modelirovanie* [Statics and Dynamics of Anglicisms in the Russian Language System: Multidimensional Linguistic Modeling]. Omsk. 445 p.
- Efremova, T. F. (2005). *Tolkovyy slovar'slovoobrazovatel'nykh edinit's russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Word-formation Units of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow, AST, Astrel'.
- Egorova, T. V. (2014). *Slovar'inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka, 100 000 slov i vyrazhenii* [Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language, 100 000 Words and Phrases]. Moscow, Adelant. 800 p.
- Grigor'ev, V. P. *Svetloe budushchee «ingovykh form» v russkom poeticheskom yazyke* [The Bright Future of “Ingov Forms” in Russian Poetic Language]. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html>.
- Horecký, J. (1991). Anglické slová na -ing v slovenčine. In *Kultúra slova*. Ročník 25, číslo 10.
- Horecký, J. (1999). Internacionalizácia a europeizácia slovenčiny. In *Zborník Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch – za a proti*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Iľenko, S. G. (1996). K poiskam orientirov rechevoi konfliktologii [To the Search for Landmarks of Speech Conflictology]. In Iľenko, S. G. (Ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii*. Saint Petersburg.
- Ivanová-Šaligová, M., Maníková, Z. (1983). *Slovník cizích slov*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Jesenská, P. (2004). Slovenčina pod „paľbou“ anglicizmov? In *Zborník mladých filológov UMB. Materiály z 3. konferencie mladých filológov UMB*. Banská Bystrica, Pedagogická fakulta UMB, s. 8–15.
- Kačala, J. (1991). Vymedzenie pojmu jazyková suverenita. In *Kultúra slova*. No. 25, s. 3–9.
- Kolesov, V. V. (1998). *Russkaya rech'. Vchera. Segodnya. Zavtra* [Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow]. Saint Petersburg. 218 p.
- Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoï vkus epokhi. Iz nablyudeniï nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language Taste of the Era. From Observations of the Speech Practice of the Media]. 3rd edition. Saint Petersburg, Zlatoust. 320 p.

- Krysin, L. P. (1968). *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign Words in Modern Russian]. Moscow, Nauka. 208 p.
- Krysin, L. P. (1996). Inoyazychnye slova v sovremennoi zhizni [Foreign Words in Modern Life]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya*. Moscow.
- Krysin, L. P. (2000). O nekotorykh izmeneniyakh v russkom yazyke kontsa XX veka [On Some Changes in Russian at the End of the 20th Century]. In *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. No. 5, pp. 63–91.
- Krysin, L. P. (2002). Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletii [Lexical Borrowing and Tracing in the Russian Language of Recent Decades]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 6, pp. 27–34.
- Krysin, L. P. (2006). *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Eksmo.
- Marinova, E. V. (2014). «Vechnyi vopros» o zaimstvovaniyakh [The Eternal Question of Borrowing]. In *Kul'tura rechi*. No. 2, pp. 59–65.
- Masár, I. (1994). Aj slovenčina potrebuje zákonnú ochranu. In *Kul'túra slova*. No. 28, s. 138–144.
- Neshchimenko, G. P. (2003). Zaimstvovaniya i ikh rol' v etnicheskoj komunikatsii: problemy, spory [Borrowings and Their Role in Ethnic Communication: Problems, Disputes]. In *Jazykovedný časopis*. Bratislava. No. 1–2, s. 13–30.
- Nikitina, T. G. (2003). *Tolkovyi slovar' molodezhnogo slenga: Slova, neponyatnye vzroslym* [Explanatory Dictionary of Youth Slang: Words Unclear to Adults]. Moscow, Astrel', AST. 736 p.
- Ozhegov, S. I. (1983). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow. 816 p.
- Paulička, I a kol. (2002). *Všeobecný encyklopedický slovník A – F*. Praha, Ottovo nakladatelství. 1039 s.
- Pelevin, V. O. (2013). *Betman Apollo* [Batman Apollo]. Moscow, Eksmo. 512 p.
- Považaj, M. (1994). Súčasný stav jazykovej kultúry. In *Kul'túra slova*. No. 28, č. 5, s. 257–262. URL: <http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/1994/5/ks1994-5.html>.
- Považaj, M. (1995). Zo súčasnej problematiky jazykovej kultúry. In *Kul'túra slova*. No. 29, s. 192–197.
- Rozen, E. V. (1991). *Novye slova i ustoičivye slovosochetaniya v nemetskom yazyke* [New Words and Strong Phrases in German]. Moscow. 189 p.
- Sologub, O. P. (2002). Usvoenie inoyazychnykh strukturnykh elementov v russkom yazyke [Assimilation of Foreign Language Structural Elements in the Russian Language]. In *Nauka. Universitet: materialy Tret'ei nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk, pp. 130–134.
- Zhivov, V. M. (1996). *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia of the 18th Century]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 591 p.

Данные об авторе

Ермачкова Ольга – кандидат филологических наук, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Трнава, Словацкая Республика).

Адрес: 91701, Словацкая Республика, г. Трнава, пл. Й. Герду, 2.

E-mail: olga.iermachkova@ucm.sk.

Author's information

Iermachkova Olga – Candidate of Philology, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Trnava, Slovak Republic).